

Валерий Головизин

НОВЫЙ РЕЙХ

Москва
2013

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6.44
Г 61

Головизин В.

Г61 Новый рейх / Валерий Головизин. – М.: Книга по Требованию, 2013. – 116 с.

ISBN: 978-5-518-88979-8

Жизнь в суровом, и немного даже, в сказочном мире хабаровского края накладывает на каждого его жителя свой непосредственный, персональный отпечаток. Я, автор этой книги, живу в этом мире и люблю в одиночестве сидеть у ночного костра, слушать его неторопливую, трескучую речь, вглядываться в огненные, подвижные фигурки и видеть в них будущих героев своих рассказов, слышать их речь, мимику и жесты. Так появляются мои, не побоюсь этого слова, особенные рассказы которые не уводят от реальности, а наоборот – приближают к ней, отвечая на многие жизненные вопросы. Помогают найти выход в безвыходных ситуациях.

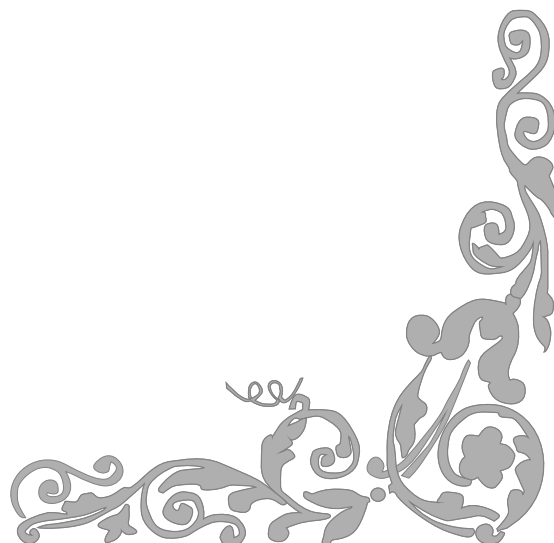
УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6.44

© В. Головизин, 2013
© Lennex Corp., 2013

АПОКАЛИПСИС

И ПОНЯЛ БОГ, ЧТО НЕ ПОЙДЁТ
ЧЕЛОВЕК ПО ПУТИ УКАЗАННОМУ ИМ
В ДЕСЯТИ ЗАПОВЕДЯХ,
А ПРОДОЛЖАЕТ ИДТИ ПО ПУТИ
РАЗВРАТА, ВОЙН И НАСИЛИЯ.
И ТОГДА ПОСЛАЛ БОГ
В МИР ЛЮДЕЙ ПАЛАЧА,
ДАБЫ ИСКОРЕНИТЬ В ЛЮДЯХ
СКВЕРНУ И НАПРАВИТЬ ИХ
НА ПУТЬ ИСТИННЫЙ.

ЧАСТЬ I. ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ АЛЕКСАНДРА

Глава 1. Таинственный узник

Сознание медленно возвращалось к Александру, возможно, этот процесс длился бы намного дольше, если бы не проклятая, противная капель, бившая с жестокой методичностью откуда-то сверху прямо в голову. От неё не было спасенья, она сводила с ума.

- Надо бы отодвинуть голову немного в сторону – была его первая мысль. Он напряг все свои силы и стал потихоньку, миллиметр за миллиметром отодвигать голову от убийственной капели. Вскоре ему это удалось, силы постепенно возвращались в его измученное тело. Щекой он стал ощущать холодный, бетонный пол.

Он медленно открыл глаза – его окружал полумрак, слабый свет лился, откуда-то сверху освещая серый, сырой, бетонный пол, мокрую овальную стену.

- Где я? Что со мной? Надо бы сесть, так я что-то плохо соображаю.

Александр сел, прижавшись спиной к холодной, липкой стене. Невероятным усилием воли сосредоточился и начал рассуждать.

- Так, во-первых, кто я такой и что здесь я делаю? - Ответ не приходил, разум застлала противная, серая пелена, которую он никак не мог разорвать. Он упёрся рукой о пол и ощутил воду.

- Вода, вода – вот, что может меня спасти. - Александр лег на пол и начал медленно кататься по полу, радуясь, как ребёнок, каждой найденной лужице. Он пригоршнями собирал воду с мокрого пола, мыл лицо, шею, руки.

Глава 2. Детство. Первая встреча с Марией

И вдруг серая пелена, лопнула как мыльный пузырь, и он увидел себя из своего далёкого, беззаботного детства. Он, десятилетний маленький Саша, сидит в удобном, мягком кресле. Смотрит телевизор, стоящий на большом, старинном комод с выдвигаемыми ящиками, в каждом из которых белоснежное, душистое бельё. В комнате уютно и тепло, пахнет пирогом с яблоками. Два небольших окна с узорчатыми шторами. Сквозь морозные узоры на оконном стекле видны заснеженные ветви деревьев. На стенах комнаты картины: Алёнушка сидит на камне у воды, корабль с тугими парусами мчится по морским волнам. На стенах светло-зелёные обои.

Журчит вода на кухне за стеной – там мама моет посуду. Он, не удивляясь, слышит мысли мамы.

- Надо бы послать сыночка за продуктами, а я тем временем, уберусь у него в комнате, поставлю новогоднюю ёлку.

- А я не пойду за продуктами! – кричит гневно Саша. – Я же утром ходил, мама!

И уже тихо, обиженно:

- Мультки не даёт досмотреть.

В комнату входит испуганная мама, такая милая, добрая и очень красивая, на голове платок, на цветастом платье передник с остатками мучной пыли, на ногах мягкие тапочки. Она подходит молча к Саше, садится перед ним на корточки, смотрит на него задумчиво, с мягкой грустинкой и тихо говорит.

– Сашенька, зачем ты снова так меня пугаешь, я только подумала, а ты уже отвечаешь. Ну, как, как это у тебя получается? Ладно, досматривай свои мультики и иди за продуктами и больше не пугай меня так, слышишь! Завтра у нас праздник Новый год, купишь всё, что я написала тебе на листочке. -

Мама подаёт Саше исписанный красивым, каллиграфическим подчерком листочек с названием продуктов и уходит. Саша сердито спрыгивает с кресла, топает ногой, говорит тихо, с досадой.

- Всегда так, на самом интересном месте! - Молча одевает поношенное, маленькое пальто с серым, потёртым воротником, старые, подшитые валенки, шапку ушанку. Берет у мамы деньги, авоську и выскакивает на улицу.

Тихо падают огромные, белые, пушистые снежинки на дорожку, на плечи прохожих, на стоящие на обочине машины. По дорожке идёт не спеша Саша, любясь стройными рядами небольших сосен, каждая веточка которых укрыта тёплым, снежным одеялом. Мимо проходят одинокие прохожие. Саша внимательно всматривается в каждого из них и видит не только их характер, слышит их мысли, но даже видит в их телах души в виде маленького облачка. Об этих своих сверхъестественных способностях он не говорит даже маме, чтоб не пугать и не беспокоить её. В школе он замкнут и не разговорчив, сидит всегда один на последней парте. Но учиться, на удивление, хорошо. Пугает преподавателей обострённым чувством справедливости и своими знаниями. Хулиганы его обходят стороной, панически бояться. Стоит ему пристально посмотреть, и на них наваливался какой-то необъяснимый, тягучий страх и они, обозвав его чокнутым, спешно ретировались.

Жили они вдвоём с мамой в небольшой, двухкомнатной квартире с окнами на городской парк. Отца у него не было, и Саша однажды спросил об этом маму. Мама долго на него смотрела, затем погладила по головке, прижала к груди и вдруг горько и неудержимо расплакалась. Он долго утешал её и поклялся себе никогда, никогда больше не спрашивать её об отце.

Саша задумчиво шёл по дорожке, пиная валенками хрустальную ледышку. Вдруг подскочил какой-то парень, отбил её в глубокий сугроб и весело крикнул.

- Один-ноль, пацан, в мою пользу! Что нос повесил, бродяга? Не горюй, всё образуется, – и озорно подмигнул.

Саша улыбнулся в ответ и крикнул ему вдогонку.

– Конечно, дядя, образуется, а иначе и быть не может!

И сразу на душе у него стало легко и спокойно.

- Вроде бы такая мелочь – маленькая доброта со стороны незнакомого, хорошего человека, – думал, улыбаясь, Саша, – и сразу хочется петь. Побольше бы таких хороших и светлых людей.

Он неспроста назвал дядю светлым, ибо душа его была светла и чиста. С раннего детства Саша стал наблюдать за людьми и делить их, в зависимости от чистоты души, на светлых, серых и тёмных. Тёмных людей было большинство – они страшно матерились, пили, курили, валялись в подворотнях, кололись наркотиками, воровали. Серых людей было чуть меньше, они в меньшей степени предавались перечисленным порокам и иногда творили добрые дела в виде небольших отчислений в детские дома и на строительство церквей, чем страшно гордились.

Светлых людей в их городе можно было пересчитать по пальцам, многие из них часто ходили в церковь и не обладали пороками тёмных людей. Кристально чистые души Саша видел лишь у грудных младенцев. С возрастом души малышей темнели, покрывались тёмными крапинками, в зависимости от того, в какой семье они воспитывались. В семье тёмных людей души детей чернели очень быстро, а в семье светлых, дети сохраняли чистоту души до самой школы. К сожалению, школа даёт людям не только знания.

- Неужели ни у одного взрослого человека нет кристально чистой души, как у ребёнка? – Саша остановился в глубоком раздумье.

- Надо будет, на днях обязательно сходить в церковь – уж там я наверняка встречу кристально-чистую душу у взрослого человека.

Грубый, сильный толчок в спину и отборная ругань вывели его из раздумий. Саша отлетел к серой стене здания, резко обернулся – огромный мужик, в грязной телогрейке, в больших стоптанных кирзовых сапогах, обросший, с красными, сонными глазами, хриплым голосом орал.

- Ну ты, что встал посреди дороги ...?! Не видишь, здесь люди ходят ...!

Саша ничего не ответил, он увидел грязную, чёрную душу мужика, услышал его грязные мысли.

- Возьму бутылочку и заявлюсь к Танюхе, завалюсь в её

Саша тряхнул головой, чтоб не слышать грязных мыслей мужика и пошёл дальше. Хорошего настроения как не бывало.

- Жизнь, как зебра, – снова задумался Саша, – то светлая полоса наступит, то чёрная. Сейчас должна быть светлая полоса.

А снег всё падал и падал огромными, мягкими снежинками на мостовую, на ветви сонных берёз. И тут Саша увидел сквозь падающие снежинки, две людские фигурки, большую и маленькую. Они шли ему навстречу. Приблизившись, он увидел хмурую, накрашенную женщину лет тридцати с серой душой, в тёмной, мутоновой шубе, с сумочкой через плечо. В одной руке она несла небольшую, хозяйственную сумку, а в другой, вела синеглазую девчонку лет семи, с кристально-чистой душой, с родинкой на правой щёчке, в белой, пушистой шубке и шапке, в красных сапожках. Она посмотрела на Сашу, широко раскрытыми глазами и мягко улыбнулась. Саша остановился и посмотрел ей в след, девчонка обернулась, улыбнулась и помахала ему рукой. Саша услышал мысли её мамы.

- Уже и кавалера себе подцепила. - И мысли очаровательной девчонки.

- Какой добрый и воспитанный мальчик.

Саша помахал в ответ и долго смотрел ей вслед, пока она не скрылась за серой пеленой снегопада.

- Неужели и у этой красивой девочки, так похожей на ангела, – думал Саша, медленно бредя по заснеженному тротуару, – с возрастом душа тоже будет серой?

Так, незаметно для себя, в раздумьях, он подошёл к крытому рынку, открыл тяжёлую, скрипучую дверь, и вошёл в огромное, ярко освещённое помещение. Вокруг, в предпраздничном настроении, суетились люди в вихре мыслей, что купить и куда надо съездить. Саша медленно, с трудом протиснулся к прилавкам, достал скомканный листочек бумажки, на котором было написано, что купить. Рядом стояла бабушка в старенькой, серой шубе. Седые волосы выбились из-под пухового платка. Она, стараясь перекричать шум толпы, разговаривала с бойкой, грудастой продавщицей.

- А, что дочка с этими ананасами надо делать?

Продавщица, громко хохотнув.

- Да ты, что бабушка, с Луны свалилась, что ли? Чистить их надо и есть. Знаешь, там сколько витаминов, к тому же они очень вкусные, внуков своих покормишь.

Бабушка, покачав в сомненье головой.

- Да уж, больно они дорогие.

Продавщица, подперев руки в бока.

- Так, из самой же Африки, сегодня, последним самолётом, специально для вас.

- Ну, раз так, – сказала бабушка и медленно потянулась рукой к карману.

Но её опередила чья то быстрая и ловкая рука – она молниеносно шмыгнула в бабушкин карман и вытащила тощий, серый кошелёк. Саша поднял голову и увидел ухмыляющегося парня, лет двадцати пяти, услышал его мысли.

- Ну, что видал, пацан, как надо деньги зарабатывать?

Парень положил кошелёк в карман своей кожаной куртки и стал пятиться от прилавка. В душе у Саши закипела ярость, превращаясь в яркий, огненный шар, видимый только ему. Он мысленно бросает этот шар в тёмную душу парня. Парень останавливается, резко наклоняется и, схватившись за сердце, идёт к обшарпанной стене, прижимается к ней спиной и сползает на пол. Из кармана его куртки вываливается бабушкин кошелёк. Саша молча наблюдает, как из парня вылетает его тёмная душа и медленно поднимается к куполу рынка.

Подходит бабушка, наклоняется и трясущимися руками поднимает с пола свой кошелёк. Возле парня собирается толпа людей, кто-то громко кричит:

- Врача, врача сюда быстрее, тут человеку плохо!

Подходит молодая женщина врач, в белом халате, с белой, с красным крестиком, сумочкой через плечо. Щупает пульс, смотрит зрачки глаз и тихо говорит:

- Ему уже ничем не помочь. Странно – такой молодой, здоровый, а умер как старик от острой, сердечной недостаточности.

Бабушка подымает голову к потолку и тихо шепчет.

- Господи, зачем же так сразу, быть может, со временем он бы исправился. - Саша стоит рядом и отрицательно мотает головой, он уже хорошо знает, что человека с тёмной душой исправить, перевоспитать невозможно. Саша невозмутим, спокоен и у него появляется чувство, что он просто сделал свою работу, избавил свой город от мрази.

- С этого дня, – думает он, – я просто обязан, по возможности, каждый день выходить на охоту и карать людей с тёмными, грязными душами.

Глава 3. Палач

Утро следующего дня было ясным и безоблачным. Саша, позавтракав с мамой, попрыгал немного вокруг нарядной новогодней ёлки. Прочитал маме стишок, который выучил к Новому году и за который в школе он получил пятёрку. Помыл посуду, посмотрел весёлые мультики, оделся и вышел гулять. Открыв входную дверь, Саша зажмурился от яркого, солнечного света, а когда глаза привыкли, он изумился увиденной красоте – он оказался словно в сказке. На ветвях берёз и сосен лежал пушистый, искрящийся всеми цветами радуги, снег и он был повсюду – на крышах и карнизах обветшавших зданий, на покосившемся заборе и даже на проводах.

По снегу прыгали вездесущие воробьи и весело, о чём то чирикали. Призывно зазвенели серебристым звоном церковные колокола, и Саша вспомнил о вчерашнем намерении сходить в церковь. И он вприпрыжку побежал к белокаменному с золотыми куполами собору. Площадь вокруг собора была уже заполнена празднично одетыми людьми.

Саша вошёл внутрь собора, вокруг витали запах ладана и смиренные людские мысли. Саша медленно продвигался к паперти, обходя молящихся прихожан, внимательно всматриваясь в каждого и ни в одном из них не видел кристально чистой души. Он подошёл к паперти, всматриваясь в священно служителей, но и здесь его ждало одно разочарование. В их, вроде бы светлых, душах, приблизившись, он различал тёмные крапинки и пятнышки. Погрустнев, Саша вышел из собора и пошёл по мостовой. Иногда останавливаясь, он подолгу смотрел на прихожан, раздающих милостыню нищим.

Вдруг, в самом конце соборной площади, в самом безлюдном месте он заметил одинокого, слепого старика в рваной, старой телогрейке, на голове шапка ушанка, в левой руке сучковатая палка. Старик сидел на маленькой скамеечке, вслушиваясь в людские голоса. Саша, пристально взглядевшись, увидел в старике светлую, чистую душу. Медленно подошел к нему, всматриваясь в светлую душу нищего и, к своему великому удивлению, не увидел в ней ни одного тёмного пятнышка, ни одной тёмной точки.

– Здравствуй, дедушка! – Как тебе удалось сохранить чистоту своей души прожив так много лет на Земле среди людских пороков? Она чиста как у младенца.

Старик поднял голову. Глаза его закрыты. Долго молчал, скрывая волнение, затем тихим, старческим голосом сказал.